

В диссертационный совет 99.2.030.02 на базе ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва» по адресу: г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, Самарский университет

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, профессора **Натальи Львовны Пушкаревой** на диссертацию **Александра Анатольевича Хохлова «Нравственно-дисциплинарная проблема в повседневности православного приходского духовенства Казанской губернии второй половины XIX – начала XX в.»**, представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Современный интерес к истории православного духовенства – явление очевидное и знаковое. В большинстве случаев он связан с новым восприятием духовно-религиозной сферы как важной составляющей государственной и народной жизни. Жизнь и труды выдающихся представителей русской религиозной мысли все чаще становятся предметом специальных научных изысканий, анализируется их влияние на состояние и динамику перемен и в истории русской культуры, и в истории Русской церкви. Куда реже исследователи касаются темы традиционного жизненного уклада русского православного духовенства в разные периоды отечественной истории, так что тема эта оказывается одной из *новых, приоритетных направлений* изучения нашего прошлого.

Задуматься над проблемой морально-нравственного состояния значительной части русского православного духовенства во второй половине 19 – начале 20 в. – а именно духовенства огромной по территории, полиэтничной и поликонфессиональной Казанской губернии – нам предложил знаток местных казанских архивов, историк-повседневновед Александр Анатольевич Хохлов. Объем проработанных им местных материалов, ранее не введенных в научный оборот, впечатляет, как и сохранность самих архивов, отразивших обыденные переживания и устремления, страхи и мечтания православного клира более ста лет назад.

Александр Анатольевич Хохлов создал научный труд, в котором поставил *актуальную задачу* показать сквозь призму истории повседневности жизнь церкви, приоткрыть дверь в мир сложных отношений внутри духовенства, приходов и приходских общин. Еще только приступая к сбору материала, диссертант изначально понимал, что такая тема потребует от него научной честности и был готов воспринимать факты, почерпнутые из архивных документов, во всей их сложности, неоднозначности, а порой и отталкивающей неприглядности. У А.А.Хохлова нет очевидных предшественников в таком ракурсе изучения истории православного духовенства как история его нравственного состояния – при всем том, что именно в последнее время фокус внимания исследователей всё чаще стал смещаться от изучения отношений светской власти и государства с Русской Православной церковью в сторону изучения обыденной жизни представителей рядового духовенства, колоритные образы которого сохранены памятью и современников, и их потомков. Внимание диссертанта нацелено именно на жизнь приходских священников – тех, что будучи проводниками государственной идеологии и духовно-нравственных основ, выполняли свои культурно-просветительские функции, оставаясь посредниками между властью и простым народом. Именно они, в силу возложенных на них государством обязанностей, должны были стремиться в своей жизни следовать принципам национального домостроительства, опираться на его идеалы... Именно они - в том числе и личным примером - должны были являть образцы социального поведения, удерживать прихожан от неповиновения властям, обучать их умению противостоять жизненным вызовам и идейным испытаниям, связанным с проникновением в Россию новых западных ниспровергательских идей,

Входящий № 206-3140
Дата 13 МАЙ 2024
Самарский университет

того самого нигилизма (о котором мы знаем по произведениям русских классиков), отрицания традиционных порядков и устоев, - короче, всего того, что было характерно для пореформенного периода, в который Россия вступила во второй половине XIX века. Должны были... Но смогли ли и стали ли? Ответ мы находим в диссертации.

Формулируя свои исследовательские цели, А.А.Хохлов показал, что выбранный им аспект изучения социальной истории Русской церкви пореформенного периода – это продолжение долгой историографической традиции, начало которой было положено еще до бурных событий 1917 года. Советская историческая школа на протяжении десятилетий уделяла основное внимание социально-экономическим аспектам. Так того требовала марксистская парадигма, ставившая в центр изучения проблемы социального неравенства, отчуждения, трудовых конфликтов. Историко-антропологический поворот в гуманитарном знании произошедший на наших глазах в последнюю четверть века заставил заметить, сколь значимо изучение проблем, ранее пропускавшихся социальными историками, выведившими их из поля своего интереса, перенаправившими их этнографам, фольклористам, историкам педагогики, социальным антропологам – речь об особенностях быта и нравов, семейных отношений и родительского воспитания, досуга и духовных запросов. Интерес к истории повседневности, рожденный этим историко-антропологическим поворотом, заставил изучать также не столько *общее*, сколько *различия* - своеобразие стилей жизни, норм и девиаций с учетом культурного контекста каждой эпохи и не упуская региональных особенностей, типических для конкретных уголков России, в которых разворачивались те или иные события и процессы.

Признание православия духовной основой русской культуры, обеспечивающей интеграцию российского общества, заставляет современных историков признавать Церковь особым социальным организмом, глубоко осмысливать действия которого, по идее, должно лучше удаваться исследователю, который имеет личный индивидуальный опыт, связанный с церковной жизнью (небольшой такой опыт есть и у А.А.Хохлова). Это объяснимо: механизмы, мотивы и основания, которыми руководствуются верующие люди (при всей своей схожести с поведением мирян и мирскими процессами, их мотивами и резонами) имеют у людей воцерковленных особые оттенки. Но и взгляд со стороны для научного понимания социальных процессов в избранном слое или страте тоже очень важен. Понять запутанные конstellляции социальных взаимодействий внутри определенной конфессиональной группы, выявить сложную палитру межличностных отношений внутри духовенства и проанализировать эти отношения объективно, не будучи скованным обязательствами идеологических предписаний, – задача не из легких. При этом взгляд со стороны (а именно: светского историка) в научном смысле, в смысле соответствия критериям научной объективности, тоже очень важен.

Диссертационное исследование Александра Анатольевича Хохлова, собственно, ставит и решает эту непростую задачу.

Предложенная Александром Анатольевичем *формулировка темы* диссертации, на первый взгляд, несколько громоздкая. Однако речь идет о квалификационной работе, а не о монографии с броским титулом. Для научного исследования точность названия, аккуратно соответствующего содержанию написанного, имеет существенное значение. Название корректно отражает объем и результат аналитической работы, проведенной А.А.Хохловым, подчеркивает научную проблему диссертации и выделяет ее тем самым из множества работ по истории Русской церкви.

Дополнительно обосновывать *новизну* исследования нет необходимости: это первое диссертационное исследование, посвященное сокрытым, но важным для понимания эпохи сторонам жизни приходского клира. Можно отдать должное исследовательскому такту автора, поставившему задачу генерализировать факты не во имя обличения, а во имя понимания многотрудной жизни рядовых священников.

Что касается *хронологических рамок* исследования, то их обоснование в диссертации обозначено так скупно, что здесь мне видится упущение. Все-таки взятый хронологический отрезок должен быть привязан к именно к истории Русской церкви (а не просто к царствованию Александра II). Не секрет, что церковные реформы Александровского царствования шли в двух направлениях. Первое направление – это попытка ликвидировать сословную замкнутость

духовенства, в ней виделась причина кризисных явлений в отношениях клира и прихожан. Второе направление - попытка решить вопрос о материальном обеспечении духовенства, которое питалось только за счет платы за требы и каких-то приношений прихожан и влачило на местах просто нищенское существование. Иными словами, начало периода – это начало попыток что-то изменить в жизни приходского духовенства. И это именно 1860-е годы (нормативные акты 1864 и 1869 гг.). Почему в обосновании хронологии этого не сказано?

Далее... Непонятно, почему именно на 1905 году диссертант решил остановиться и не продлевать свое исследование до революционных потрясений, отделивших Церковь от государства, школу от Церкви. «Верхняя граница ограничивается Первой русской революцией, определившей наступление нового этапа российской истории» - так написано в диссертации (с.8). Почему это важно для истории повседневности – не понятно. Разве революция перевернула всю жизнь приходских священников и начался какой-то новый этап? Какой же? Надо объяснить или дать ссылку.

По структуре самого исследования замечаний нет, она приемлема, но формулировки каждой из четырех глав могли бы быть более точными и несколько более подробными (это замечание к научному стилю изложения). Глава первая - «Историография, источники и теоретическая основа исследования» – содержит 4 параграфа «Степень изученности проблемы», «Источниковая база исследования», далее идет отдельный параграф «Теоретико-методологическая модель» (чего? не ясно), затем отдельно «Понятийный аппарат и его концептуальные маркеры». Хотелось бы, чтобы диссертант объяснил, чем он руководствовался, именно так формулируя разделы.

Есть у меня замечания и по названиям глав и параграфов. Глава 2. Приходской клир: между каноническим императивом и реалиями повседневности – в ней параграф 2.1. Историческая обстановка (чего? где?) 2.2. Социокультурный фон (чего?) 2.3. Общий образовательный и этический профиль (чей?) 2.4. Правовой аспект (чего?).

Примеры, к сожалению, можно множить. Глава 3. Отклонения общесоциального плана (почему общесоциального, разве есть частносоциальный?) Глава 4. Профессиональные нарушения. Почему к ним, профессиональным нарушениям, отнесен параграф «Прочие нарушения», так что именно туда попали ... - сквернословие, брань, курение, бродяжничество. Курение – это профессиональное нарушение? Короче, названия глав и параграфов должны были бы быть более продуманными, это замечание может быть адресовано и самому диссертанту, и его научному консультанту, видевшему (думается) не одну диссертацию или автореферат и знающему требования к квалификационным работам. Излишнюю лаконичность названий вынуждена назвать упущением в работе.

По ходу просто напрашивается вопрос и о том, почему автор объемной научной работы принципиально отказался анализировать нарушения, связанные с интимной частной жизнью представителей клира (супружеские измены, прижитые на стороне дети, примеры мужеложества – само запретительство в этой сфере показывает, насколько неизбежными были нарушения морали в этой сфере повседневной жизни). Автор должен был непременно и честно – и в диссертации, и в автореферате - сообщить о том, по какой причине он обходит вниманием эту важнейшую часть жизни приходского клира того времени, ведь речь не о научно-популярной книжке, а о научном исследовании).

Названные моменты не позволяют сказать, что названия разделов и структура диссертации до конца академичны. При этом, справедливости ради, отметим: лаконизм формулировок имеет и свои положительные стороны, он позволяет легко сориентировать читателя и довольно точно отражает результаты проведенного исследования, его границы и пределы.

В отношении формулировки *объекта и предмета, обоснованности территориальных рамок исследования* (регион огромный, сложный, полиэтничный) вопросов нет.

Там же, где встает вопрос о *цели* – есть. «Цель работы – пишет автор, - выявление причин, структуры, масштабов, характера, направленности и движущих сил нравственно-дисциплинарной проблемы в среде православного приходского духовенства Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Что за стиль изложения? Как можно по-русски сказать «направленность проблемы», «движущие силы проблемы»? Надо было написать «Цель работы -

выявление причин, структуры, масштабов, характера, направленности перемен, а также выявление устойчивых паттернов в нравственной жизни православного приходского духовенства Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в., путей и способов его (духовенства) дисциплинирования и отклонений от задуманных церковными идеологами задач». Это было бы вполне научно и нормальным академическим языком. Но тут возникает вопрос: *для его необходимо достижение этой цели? Чтобы лучше понять какие стороны отечественного прошлого, которые бы смогли помочь в интерпретации какого рода современных проблем, коренящихся в те отдаленные времена?* В работе не сформулирована рабочая гипотеза – и потому и в формулировке цели нет окончания, нет ответа на вопрос «для чего?» докторант сидел в архивах и собирал весь свой материал.

Основная часть исследования представлена, повторюсь, четырьмя главами – одной по историографии и источниковедению выбранной темы и тремя, раскрывающими ее суть.

Первая глава обзорная и позволяет оценить сделанное предшественниками, нераскрытые ими темы и очертить эмпирические возможности ее изучения, в том числе – и обладая достаточной теоретико-методологической подготовкой.

Историографический обзор получился несколько странным.

Не ясно, почему диссертант начинает его с анализа отношения к бытовой стороне жизни клира всей российской исторической наукой, начиная с В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина. Они же не были современниками Великих реформ второй половины 19 в. Нужны даты жизни митрополитов – Макария (Булгакова), Филарета (Гумилевского), А. П. Доброклонского, нужны (и не глухие!) ссылки на их труды, чтобы читатель мог убедиться по их замечаниям, что тогда «духовная цензура находилась на пике своего могущества, не позволяя свободно и открыто анализировать столь нетривиальные и острые темы».

Куда делись следующие работы (почему не рассмотрены): Беллюстин И. Описание сельского духовенства в России // Русский заграничный сборник за 1858 год. Берлин, 1859; Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866), куда выпали труды А.И.Алмазова (да, касавшиеся «тайной исповеди», епитимийных сборников и исповедных вопросов более раннего времени, но зафиксировавшего сами девиантные явления и их распространенность)? Где А.А. Папков с его немалым числом текстов по теме (Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII - XIX вв.). Историческая справка. М., 1899; Он же. Необходимость обновления православного церковно-приходского строя. СПб., 1903; Он же. О благоустройстве православного прихода с приложением проекта приходского устава. СПб., 1907; Он же. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855-1870 гг.). СПб., 1902). Не найти и обзора взглядов Н.Руновского (Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898).

Что касается советской историографии, то (понятное дело) надо принимать во внимание особенности темы и присутствие множества стереотипических представлений о быте и нравах духовенства в период революционного богоборчества. Никто это не оспаривает, но почему же нет ссылок на работы тех лет? Оценка периода дана правильно, но почему же сонм публикаций, в которых над священниками подчас прямо издевались, не подвергнут научному анализу? Ссылки есть только на Е.Ф.Грекулова и глухая, без разбора работы, на Д.Г.Бенедиктова (который в 1930-е стал публиковаться как Венедиктов). Но в 1920-1930-е гг. вышло же немало публикаций, какими бы идеологически заданными они ни были, их надо научно осмыслять, подчас это были сообщения о реально виденном (Титлинов Б.Б. Православие на службе самодержавия в Русском государстве. Л., 1924; Рыбкин Г. Православие на службе самодержавия в России. М., 1930; Дмитриев А. Церковь и идея самодержавия в России. М., 1930; Он же. Церковь и крестьянство на Руси. М., 1931; Писарев В. Церковь и крепостное право в России. М., 1930).

Далее полагаю упущением выпавшие из поля зрения исследователя публикации периода поздней Оттепели и 1970-1980-х гг., в которых (конечно) антиклерикальные мотивы превалировали, но в которых авторы искали свои ответы на вопросы о том, почему и как возникали расхождения между заявляемым, желаемым и действительным. Особо отмечу публикации Л.И.Емелях (Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой

русской революции. М.-Л., 1965; Он же. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976), а также сборник «Религия и церковь в истории России» под редакцией все того же Е.Ф. Грекулова, хорошо знакомого диссертанту, со статьей Л.М.Иванова (Иванов Л.М. Идеологическое воздействие на массы // Религия и церковь в истории России: сб. ст. / сост. Е.Ф. Грекулов. М., 1975. С. 223-228). Были и другие публикации, которые, возможно, видены диссертантом, но... были сочтены им слишком идеологизированными и антиклерикальными и потому были выведены за рамки рассмотрения (Кадсон И.З. О положении в русской православной церкви в последние годы царизма. (По материалам епархиальных отчетов) // Атеизм. Религия. Современность. Вып. 1. Л., 1973. С. 66-88; Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1984; Литвак Б.Г. Русское православие в XIX в. // Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 309-381).

Зато в отношении литературы последних 25-30 лет возражений нет, обзор полный, охватывает и работы повседневников, и религиоведов, и социальных историков широкого профиля. Так что пропуски в историографическом обзоре можно, наверное, простить, если принять во внимание, что работы Б.Н.Миронова по социальной истории или тверского профессора Т.Г.Леоновой по истории церкви и многих, многих других, перечисленных А.А.Хохловым и разобранных им, уже и так обобщили наработки предшественников.

Рассмотрение же во втором параграфе массива источников – это своего рода обоснование возможности раскрыть тему, достаточности эмпирического материала для изучения. Источниковедческий обзор написан аккуратно, систематизировано, дана характеристика каждому виду и типу источников. Положительной оценки заслуживает параграф, посвященный методологии исследования, в котором дано описание научной лаборатории автора. Правда, этот параграф можно было слить со следующим, либо предварить параграф о теориях именно разбором понятий. Но это – вкусовая правка. В нынешнем виде все в целом логично и подробно изложено.

Вторая глава диссертации «**Приходской клир: между каноническим императивом и реалиями повседневности**» погружает читателя в атмосферу эпохи, обрисовывает контекст церковной жизни пореформенной России.

Автор совершенно верно обратил внимание на то, что церковь подошла к отмене крепостного права неподготовленной по вине самонадеянной бездеятельности архиереев, полагавших, что царь не пойдет на столь радикальный шаг. А.А.Хохлов счел необходимым подробно охарактеризовать жизнь страны, в которой приходское духовенство оказалось наедине с массой крестьян, среди которых пастыри обязаны были жить безвыездно. В той ситуации, подчеркивает диссертант, сельские пастыри оказались буквально «закрепощены» своим собственным епископатом с одной стороны, и прихожанами – с другой. Низкий уровень семинарского образования, бедность, зависимость священника от жалоб и доносов, от каждого негативного отзыва – все это делало жизнь клириков унылой и безрадостной. Особенно остро, утверждает А.А.Хохлов, такая проблема проявилась в национальных приходах, а сама социально-историческая конъюнктура отличалась, по выражению диссертанта, «стрессовым характером». К достоинствам работы отнесу желание автора обращаться к характеристике правового положения духовенства не только через нормы законов, но и в контексте правоприменительной практики.

Это было время стремительной секуляризации народного сознания. Этот процесс во второй половине 19 века поддерживался новоприбывающими в деревню представителями городского населения (фельдшеры, учителя и т.п.), но с умозаключением о том, что они злоумышленно «подсвечивали» слабые стороны жизни приходского духовенства согласиться труднее.

Не хватило же в этой главе размышлений о том, как все же Русская церковь во времена Александра II пыталась реформироваться, чтобы успеть за все более резво бегущим временем. Напомню, что реформы были безуспешны, потому что реформаторы считали, что им нужно лишь снять ограничения (например, касающиеся способов рекрутирования духовенства, ведь в эту социальную группу попадали дети и внуки священников, и только!), а дальше, мол, все сложится само собой. Но так не произошло. И вплоть до революции духовенство сохраняло свой сословный облик. В священники, дьяконы, псаломщики по-прежнему шли дети священнослужителей. При

том, что лучшие из студентов семинарии как раз уходили в светские учебные заведения. То есть в целом интеллектуальный уровень духовенства только и делал, что снижался в пореформенный период. И не только интеллектуальный... И виноваты были не атеисты, фельдшеры с учителями.

Третья и четвертая главы посвящены общим социальным отклонениям и каноническо-правовым нарушениям в кругу причта и духовенства. Было их много, как следует из работы, и были они разнообразны. А.А.Хохлов старался доказать своим трудом, что культура духовенства в исследуемый период стала приобретать характер субкультуры. Он убедительно продемонстрировал, что одной из причин деградиционных процессов в церкви было противоречие между новыми социально-политическими реалиями -- и тем, как себя церковь позиционировала в обществе, которое так быстро менялось. Так почему же реформирование церкви в 1860-е годы провалилось? Почему все перечисленные девиации были вечны и неизбежны? Совсем не встретилась в диссертации фамилия графа, Министра внутренних дел Петра Александровича Валуева, который в 1861-1868 возглавил «Комитет по подготовке административных мер по ведомству православного исповедания» и, собственно, хотел ситуацию переломить. Но у него не вышло. Так отчего нравственная деградиация приходского духовенства была медленным, но неистребимым процессом? Как тот факт, что духовенство перестало быть замкнутым внутри своего сословия, своей семьи и своего прихода, повлиял на его нравственный облик, так ли виноваты были внешние силы (немалым числом из народников, сторонников «малых дел»), которых диссертант записал в непримиримых оппонентов?

Ответы на размышления от прочтения работы хотелось бы получить хотя бы устно. И тогда будут все основания сказать, что перечисленные замечания не повлияли на общую положительную оценку диссертационного труда. Квалификационная работа Александра Анатольевича Хохлова может считаться завершённой. Тема «*Нравственно-дисциплинарная проблема в повседневности православного приходского духовенства Казанской губернии второй половины XIX – начала XX в.*» раскрыта А.А.Хохловым достаточно полно, всё написанное - самостоятельное исследование, имеющее теоретическую и практическую значимость. Основные его выводы и положения, сформулированные как в самом тексте диссертации, так и в автореферате, представляются аргументированными и значимыми – причем не только для отечественной исторической науки.

Диссертация соответствует требованиям раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 № 842 (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 25 января 2024 г. № 62), предъявляемым к докторским диссертациям, а сам автор - Александр Анатольевич Хохлов - заслуживает искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук, профессор

Утун
23.04.2024.

Н.Л. Пушкарева

Пушкарева Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук»
119334 Москва, Ленинский проспект, 32 а.
Тел. +7 495 938-80-78

